

Alexandre Tharaud.

Chopin: Preludes

Harmonia Mundi HMC901982. 2008

Мода на исторически дотошный «аутентизм» прошла, вновь становится актуальной традиция индивидуальной пианистической интерпретации. Один из ее представителей — молодой, но уже имеющий достойную историю сотрудничества с фирмой звукозаписи Harmonia Mundi, француз Александр Таро. Самым наглядным жестом музыканта в этом отношении можно считать исполнение клавесинных сюит Жана Филиппа Рамо на рояле, что само по себе событие не экстраординарное: барочную клавирную музыку на «Стейнвее» играли и Глен Гульд, и Григорий Соколов. Но Таро искушен в фортепианном репертуаре начала XX века, так что к изощренной барочной вязи он подходит как строгий математик и отдает предпочтение не обильной орнаментике, а ясному каркасу формы. Впрочем, сдержанный подход у Таро обнаруживается и в романтическом репертуаре: в подтверждение тому последняя запись пианиста, выпущенная Harmonia Mundi, — цикл прелюдий Шопена.

В Шопене пианист отрицает всякую человеческую теплоту — ни тебе польских генов, отвечающих за сентиментальную тоску по родине, ни чувственной искушенности французской салонной культуры. Иногда кажется, что Шопен Александра Таро — это Шёнберг с кропотливо рассчитанными инъекциями экспрессивной «истерики». Металлическое звучание и аполлонически ясная трактовка формы в нужных местах педантично дополняются убойными темпами.

В комментариях к диску Таро пишет, что 24 прелюдии Шопена воедино связывают насилие и смерть. Эти слова исполнителя, которые больше напоминают диагноз психоаналитика, объясняют и подчеркнутую строгость басовой линии с нарочито выпирающими диссонансами, и всё то же нестандартное использование темпов. В ре-бемоль-мажорной прелюдии, известной под названием «Капли дождя», резкие смены темпа создают ощущение монтажных склеек, однако буквально осязаемая цельность формы при этом не теряется. Крепкой основой бурного триптиха прелюдию делают окружающие ее ми-бемоль и си-бемоль-минорные — щедрые на мощные динамические взлеты и падения.

Шопеновский цикл пианист удачно дополняет несколькими живописными миниатюрами испанца Федерика Момпоу. И хотя Таро недодал мягкости самому Шопену (и зря), он наделил шопеновскими чертами Момпоу.

Александр Таро на первый план выдвигает интеллект и в рамках этого подхода безупречен: техника его виртуозна, мельчайшие детали исполнения продуманы. Нейтральность Таро можно сравнить с отстраненной позицией психоаналитика, расшифровывающего чужое подсознание. Эмоциональная стерильность здесь может смутить того, кто привык к другому Шопену: тихому, печальному и трогательному. Однако недостаток Таро не в игнорировании этой ортодоксальной версии шопеновского мифа. Беспристрастность и безупречность стиля для Таро оказываются фетишами, которые сковывают его фантазию. Насилие, в котором пианист подозревает Шопена, скорее всего, свойственно ему самому.

Нина Ковба